

Красная обложка

Гектор Шульц

Уроды

«Автор»

2022

Шульц Г.

Уроды / Г. Шульц — «Автор», 2022 — (Красная обложка)

Конец девяностых глазами ученика одной из неблагополучных провинциальных школ. Его мысли и заметки об одноклассниках и учителях, записанные в темно-синюю тетрадку. О людях и «уродах». О травле и издевательствах, о любви и бедности, о надеждах и мечтах, о жизни в то непростое время. Конец девяностых глазами изгоя.

© Шульц Г., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Copyright	5
От автора	6
ДЕВЯТЫЙ КЛАСС. Глава первая. Первое сентября девяносто восьмого.	7
Глава вторая. Люди и звери.	13
Глава третья. Люди нашего двора.	21
Глава четвертая. Испытание Шпилевского.	26
Глава пятая. Алёнка, книги и бутерброды.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Гектор Шульц

Уроды

Copyright

© Гектор Шульц, 2022.

Все права защищены законом.

Автор не дает разрешение на воспроизведение и копирование этой книги в любой форме и любыми средствами (электронными и механическими, включая фотокопирование, магнитную запись или иные средства копирования и сохранения информации) для целей, связанных с извлечением прибыли.

В случае цитирования отдельных фрагментов или всего текста обязательно указывается авторство и проставляются все необходимые обозначения.

От автора

Ну, спасибо, Гектор Шульц. Теперь ты обосрал и школу...

Так, возможно, скажут некоторые из вас, но я парирую тем, что я не собирался обсирать школу.

«Уроды» возникли после множества бесед с моими друзьями и знакомыми. Рано или поздно поднимался вопрос о школах, а учитывая, что почти каждый из нас закончил школу в конце девяностых, радостных воспоминаний было не очень много.

После этих бесед у меня и возникла идея книги, которая покажет, что не все так радужно, как пытаются показать редкие, преисполненные ностальгии посты о девяностых в социальных сетях. Мы долго общались, многое вспоминали, а я многое записывал. Друзья и знакомые попросили лишь одно – изменить имена, прозвища, места и некоторые события, если я вдруг решусь собрать их воспоминания в полноценную книгу. Я так и сделал, рассказав простыми словами о школе в одном из неблагополучных районов провинциального города.

Если же кто-то во время прочтения взбеленится и заявит, что все написанное – пиздеж, и в его школе такого не было, то я лишь мысленно порадуюсь за этого человека. Тебе повезло! В других школах случалось кое-что похлеще, чем мелькавшее в книге.

Основной посыл «Уродов» в другом. Способны ли вчерашние уроды, издевавшиеся над теми, кто не мог им ответить, измениться и извиниться перед изгоями. Способны ли они попросить прощения у тех, над кем измывались на протяжении всей учебы. Способны ли они пробудить внутри себя человека, как некоторые из героев книги, или же ситуации, описанные в «Уродах», будут вызывать у них радостный ностальгический смех.

Моя жизнь в конце девяностых была более счастливой, чем у моих друзей и знакомых, чьи воспоминания легли в основу этой истории. Но кому-то повезло не так, как мне, и ему пришлось выживать. Но выжить – это полдела. Куда важнее остаться человеком, учитывая, какой пиздец творился в то время.

Я не пропагандирую поведение героев, не пропагандирую насилие и употребление всякой запрещенной дряни. Я лишь показал, как все было, и призываю взглянуть между строк и найти тот самый посыл, который я пытался вложить в эту историю. А вот получится его найти или нет – это уже зависит от тебя, читатель.

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС. Глава первая. Первое сентября девяносто восьмого.

1 сентября 1998 года. Девятый класс, изменившиеся одноклассники, дефолт, оставивший с голой жопой кучу людей. Ненависть, слезы, полный ахуй от того, как теперь жить дальше. И я – обычный девятиклассник, вынужденный выживать в говне провинциального города. Где неизвестно, кто тебя прикончит: обсаженный сосед, попутавший берега, или одноклассники, у которых к хуям снесло крышу.

Казалось, восьмой класс все расставил по своим местам. Но девятый думает иначе. Да ты и сам понимаешь, когда приходишь на линейку первого сентября и видишь все собственными глазами. Охуевших учителей, которые тихонько обсуждают дефолт и хули теперь делать со сгоревшими рублями. Изменившихся одноклассниц, чьи сиськи нехуево выросли за лето, и одноклассников, в глазах которых появилось нечто иное. Жестокость, лед и безразличие. Лишь ты – все тот же лох. В потертых отцовских туфлях, старенькой, начинающей желтеть рубашке и с клетчатой сумкой, в которую через пару часов сложишь учебники, выданные библиотекаршей. И плевать, что папка полночи надраивал туфли кремом, «чтобы все, как у людей». Плевать, что мама пыталась отбелить рубашку. Плевать, что обещанного ранца так и не купили, потому что денег нет, и придется снова ходить с пакетом. Ты все тот же, что и в восьмом классе. Но не остальные. Все изменились, кроме тебя. Но тебе предстоит измениться. Без вариантов.

Я стоял внизу, на первой ступеньке, ведущей в школу. Здесь обычно стоят лохи, вроде меня. Щенков, чья голова вечно в перхоти, одет в облезлый пиджак и яростно скребет вспотевший лоб грязными ногтями. Огурцова, старательно прячущая облупившийся портфель, доставшийся ей в наследство от мамки, и краснеющая, когда добрые одноклассницы в очередной раз высмеивают её громоздкие ботинки. Шпилевский, которому вообще не повезло, что он родился. За нами стоят лошки из других классов, а вот старшаки, наоборот, подальше. Подальше от родителей, учителей и контроля. Но и они нахуй никому не нужны. У взрослых на слуху одно, лишь дети еще не догоняют, что жизнь в очередной раз поменялась, и что снова надо учиться выживать.

– Ворона, у тебя курить есть? – почувствовав чесночный шепот Щенкова, я вздрогнул и с омерзением посмотрел на него.

– Я не курю! – так же шепотом ответил я. Щенков – дырявая башка – постоянно забывает это.

– Бля, курить хотца... – промычал он и, шумно сглотив слюну, отвернулся доебывать других. От жары и чесночного шепота Щенкова мне стало дурно.

– «Кры-ы-ыла-а-атые ка-а-ачели...» – надрываются древние колонки на ступенях, а к горлу подкатывает тошнота. Лето закончилось так быстро, что я даже моргнуть не успел. И теперь снова придется терпеть уродов-одноклассников и уродов-учителей. Из года в год одно и то же...

Бледная первоклашка, сидящая на плече бугая из одиннадцатого, отрывает от мыслей противным, дребезжащим звуком старого колокольчика, и этот звон вызывает табун мурашек. Перwokлашка словно отдает сигнал к началу казни, настолько мрачно и трескуче звучит старый колокольчик с полинялым красным бантом.

Первыми, понятное дело, поднимается краса и гордость каждого класса. Короткостриженные мудаки в одинаковых черных брюках и светлых рубашках и повзрослевшие бабы, выпячивающие грудь так, чтобы она казалась больше, чем у соседки. Я, отвернувшись, буравил задумчивым взглядом хрипящую колонку, из которой теперь неся гортанный вой «Уча-а-ат в шко-о-оле», пока проходящий мимо Зяба не прочистил горло и его плевков не шлепнулся мне

на грудь. Слюна мерзкая, с зеленоватыми прожилками, такая же противная, как и сам Зяба – ебаный урод, который заебал всех в школе.

Даже в белой рубашке и черных брюках Зяба выглядит как уебок. Рыхлый, белобрысый, с большой головой на тонкой, словно кочерыжка, шее. Безжизненные серые глаза и мокрые губы, в уголках которых вечно белеет засохшая слюна. Он ходит так, словно у него широчайшая как у Арнольда, а сам он весит сотню, не меньше. Но Зяба типичный урод, которых полным-полно в каждом дворе. Они срут в подъездах, бухают «плодово-ягодным» или «Жигулями», зассывают подвалы, и отличить их можно по особому смеху: визгливому и шакальему. В моем дворе тоже наберется с десятков таких Зяб, но меня они не трогают. Типа, хоть и лох, но свой. Да и хули, если с половиной в детстве все песочницы изрыли...

Старших у нас в классе четверо – Зяба, Дэн, Кот и Глаза. С Зябой пересеклись пути, когда его родители переехали в наш район и отдали сына в школу по соседству. Было это в третьем классе. Зяба в первый же день умудрился отличиться: залез на перемене на парту и рыгнул своему соседу в лицо. Его соседом, к несчастью, оказался Дэн, с которым мы учились с первого класса. Дэн отпиздил Зябу на месте и осушил напоследок стулом, а стулья в нашей школе были тяжелыми. Не эта современная хуета из экологичного пластика. Таким переобещь, мало не покажется. После школы Зяба и Дэн еще раз подрались: раз на раз и по правилам, но Дэн и тут Зябу отпиздил, потому что с первого класса серьезно занимался боксом и самбо. Поэтому на Дэна если кто и залупался, так только новенькие, не знающие, чего он стоит.

Дэн отличался от Зябы, как Бэтмен от Пингвина. Высокий, крепкий, физически развитый – он сразу занял место лидера в нашем классе, а если хорошенько подумать, то и в школе. Другие старшаки старались с Дэном дружить, но оно и неудивительно. В седьмом классе Дэн отпиздил девятиклассника. Отпинал, как щенка, а потом обоссал на глазах у всех. Пацан после такого из школы ушел и правильно сделал. Зачморили бы окончательно.

Понятно, что школьные девки, да и на районе тоже, по Дэну ссали кипятком. Хоть и тот еще гондон, но смазливый и сильный. В первый класс Дэн пришел со своим лучшим другом – Котом. Хитровыебанным уродом, которому нравилось доебываться до тех, кто ему сдачи дать не может.

Кот был жирным, но всем постоянно трепал, что он на массе и качается. Пиздел, конечно, потому что качок не будет столько бухать и курить, как Кот. Смешно, но он и внешне походил на кота. Кастрированного, жирного пидораса, который утром спиздит у хозяйки сметаны, потом насыт в тапки и съебется гулять на весь день, пока жрать не захочет.

К седьмому классу Кот вытянулся и чуть похудел. Не иначе, Дэн заставил в качалку с ним ходить. Вместе с этим характер Кота стал совсем уж невозможным. Он мог запросто избить Шпилевского на перемене. Просто так, потому что ему скучно. Или нагрубить, если училка по литературе вlepила пару за убогое сочинение. Но особое сближение у Кота случилось с Зябой. Эти два урода словно соревновались, кто сотворит самую гадкую хуйню: то пиздюков из младших классов отловят в туалете и заставят друг с другом пиздиться, то Кукушке – нашей классной – в ящик стола насрут. То купят в киоске бутылку дешевого винища, выдуют в два рыла и заблюют парту на уроке математики. А в шестом классе пришел Глаза.

Пришел и сразу влился к старшкам. На Дэна не залупался, но Кота и Зябу построил сразу. Говорили, что у него брат сидит, а сам он с центровыми района дружбу водит. Может и пиздели, кто теперь знает, но выглядел Глаза жутко.

Вроде массивный, но при том рыхлый, он напоминал мне черепаху без панциря. Даже шею вытягивал, как черепаха. Погоняло ему подарил Дэн в первый же день. Все потому, что у Глаза были натуральные рыбы глаза – бесцветные, вылупленные и мутные. Они блестели в двух случаях: пиздят кого-то из лохов или есть что покурить и выпить. В восьмом классе появился третий случай: симпатичные девки. Глаза сразу оживлялся, если в класс вplывала

Панкова, и алчно пялился на её сиськи и жопу. Зяба как-то пизданул, что он у неё трусы спиздил, когда физкультура была, а потом давал за пять рублей нюхать в туалете всем желающим.

Из этой четверки меня не трогал только Дэн. Да и вообще, Дэн редко кого трогал. Если только Шпилевский, забывшись, не напрашивался на пиздюлину. Остальные творили что хотели. За исключением четвертных и годовых контрольных, за месяц до которых Дэн запрещал Коту, Зябе и Глазам трогать кого-то из нас. По одной простой причине, само собой: я шарил в истории и биологии, Шпилевский хорошо разбирался в химии и физике, а Огурцова была отличницей, что не снискало ей любви от наших баб. Без иммунитета остался только Щенков, и за месяц до контрольных он летал по школе, как ебанный теннисный мячик. Впрочем, как и всегда.

Сразу после седьмого класса я заявился к родителям и сказал им, что хочу в другую школу. Но хуй там плавал. Папка работал на заводе, мама тоже не собиралась съезжать, потому что через два двора от нас жила её мать, моя бабка. Проспиртованная старуха, тугая на два уха и редкостная дрянь. Как-то раз напиздела родителям, что я у неё «похоронные» тиснул. А я в душе не ебал, где она хранит свою мелочь, но пизды получил. Виной всему выменянный у Шпилевского комикс про черепашек-ниндзя. Родители посчитали, что я его не выменял, а купил на украденные деньги. Пизды я получил, а через месяц выяснилось, что бабка обманула. Папка нашел пакет с её заначкой, когда вытаскивал обоссанный матрас на помойку. Извинений не последовало. Сказали, что не все взял, а часть, чтобы не засыпаться. Но мне уже было похуй. На все родительские просьбы навестить бабушку или помочь убраться в её хате я мотал головой и даже под угрозой пиздюлей не менял решение.

Поэтому родители выслушали меня и отказали. Папка сказал, что надо уметь постоять за себя, забыв о том, что я несколько раз просил отдать меня в секцию бокса или дзюдо. Я не стал ему говорить, что если сейчас решусь постоять за себя, то мне проломают башку и оставят валяться в Колодце за школой. Просто смирился с тем, что мне придется видеть ненавистные рожи до девятого класса.

Но хуй там тоже плавал. Мамка где-то услышала, что престижно иметь полное среднее, в институты таких детей берут куда охотнее, а потому меня ошарашили новостью, что мой кошмар продлится еще на два года. Не помогли ни истерики, ни слезы, ни мольбы. Родители отказывались верить, что в моем классе есть такие «уроды», как я их описывал. С того момента я им вообще ничего не говорил о школе, ограничиваясь стандартным: «все нормально». Даже если ссал кровью, когда Кот отбивал мне почки потехи ради, или приходил домой в изорванной одежде и с разбитым носом.

Не, я знал, что есть нормальные школы. Мой детсадовский друг, Игорек, как раз попал в такую, когда его родители переехали поближе к центру. Однако наш район, имеющий до сих пор славу неблагополучного, был другим. В Совке сюда отправляли всякий сброд: алкашей, бывших экзов, «химиков». Редко кто выбирался. Мои родители получили тут квартиру, папка решил остаться, надеясь на расширение, а потом грохнул развал Совка и все накрылось пиздой. Родители продолжали работать, а вокруг поднимались проклятые всходы первых поселенцев: их дети, дети их детей. И все они заполнили собой окрестные школы и шараги. Те, кто был умнее, давно уже съебал, а такие, как я, были вынуждены хоть как-то выживать. И больше всего на свете я желал лишь одного: свалить из ебучей школы куда подальше. И не только из школы. Я мечтал свалить из этого района, из этого города, с этой планеты.

– Воронин! Хватит ворон считать и смотри на доску! – резкий и неприятный голос Кукушки вернул меня в реальный мир. Рядом хихикали одноклассники, и даже затравленный Щенков скалился, как хорек, услышав каламбур классухи.

– Ворона, а хули ты ворон считаешь? Ищешь ту, что твои яйца спиздила? Ахаха-а-а, – шакалий визг Зябы, сидящего за мной, заставил притихший класс снова заржать. Шутка была

тупой, но ржали лишь для того, чтобы Зяба до них не доебывался. Привыкли. Ржал Шпилевский, виновато смотря в мою сторону. Ржал Щенков, Панкова, Дэн и Кот. Не смеялась только Огурцова, с головой погрузившись в учебник. Ржали все, пока Кукушка не рявкнула, призывая к тишине.

Лариса Павловна Сеницкая для учителей и родителей. Кукушка для нас, учеников и разьебаев. Погоняло ей, внезапно, дал Щенков в шестом классе, подметив, что классуха ухаает, как кукушка, когда проверяет наши тетрадки. Ну а Дэн сразу пустил по всей школе слух, что Сеницкая своего ребенка на вьетнамском рынке потеряла и с тех пор кукухой поехала. Не знаю, правда это или очередной пиздеж, но Кукушка действительно была странной.

Сколько помню, она постоянно ходила в плотном платье мышинового цвета и носила все те же потрескавшиеся пыльные туфли и здоровенные очки на половину лица. Иногда от нее воняло перегаром или сигаретами, но на это никто не обращал внимания, кроме первых парт. Они постоянно страдали от вони Кукушки и частенько отпрашивались в туалет, чтобы подышать свежим воздухом или выкурить сигарету. Лицо Кукушки – серое, с дряблой кожей. Глаза мутные, зеленые и погасшие. Когда она улыбается, то становятся видны редкие зубки, потемневшие от никотина. Зяба как-то раз пизданул, что лучше себе хуй отрубит, чем даст Кукушке за щеку. То, что Кукушка себе скорее башку об стену расшибет, чем полезет к Зябе, почему-то никто, кроме тупого Щенкова, не озвучил. За это Зяба отпиздил Щенкова в туалете и обоссал его, пока тот корчился между грязными толканами.

– Панкова! Натах! – горячий шепот Дэна привлекает внимание всего класса, кроме Кукушки, объясняющей о причинах очередной войны. Я эту тему знал хорошо, поэтому спокойно пропускал слова исторички мимо ушей, искоса наблюдая за Панковой.

– Чего тебе? – тихо шепнула она, но улыбка сразу сдала её. Дэн ей нравился. Как и каждой девчонке из нашего класса. Но Дэн смотрел лишь на Панкову, которая сегодня была хороша. Белая обтягивающая блузка, черная юбка до колен, стройные ножки в черных колготках. И созревшая за лето грудь третьего размера.

Панкова специально не надела лифчик. Знала, что все будут пялиться, но я еще на линейке сожрал её глазами, а когда она наклонилась, чтобы поднять упавший цветок, чуть не кончил, увидев сиську во всей красе.

Многие новенькие удивлялись, хули такая как Панкова делает в нашем районе и тем более в нашей школе. Но отставали, услышав, что Наташкин отец держит несколько киосков, один магазин и ручкается с местной братвой. Кота, который в прошлом году зажал Панкову под лестницами и вдоволь потискал, забрала от школы черная «девятка». А вернула лишь через двое суток отпизженного, с переломанной в двух местах рукой и трещиной в черепе. После этого Панкову никто не трогал, а открыто флиртовал с ней только Дэн, но делал это цивилично, без тупых подьбоек Зябы. Ну и батя Дэна дружил с батей Панковой. Это тоже сыграло свою роль в том, что дети спелись.

– Натах, а давай после школы погуляем, а? – Дэн, плотоядно оскалившись, свесился с края парты и без стеснения изучал стройную ножку Панковой. Та хихикнула, шепнула что-то Лазаренко, своей соседке по парте, и повернулась к Дэну.

– И куда гулять пойдём? По парку харчки собирать? – фыркнула она, на что Дэн причмокнул и покачал головой.

– Не, ты чо. В центр сгоняем, в кафешке посидим. Или давай в кино, а? – по лицу Дэна видно, что кино и кафешке он бы предпочел свою квартиру, а прогулке – кровать. Панкова понимала это и специально ломалась перед всеми, мол «охуенный пацан зовет меня гулять, а я ему мозги ебу».

– Зябликова с собой возьми, – рассмеялась Наташка и кивнула на моего соседа, Щенкова. – Или Щеню вон зацепи.

– Нахуй он мне всрался?! – взорвался Дэн, но тут же утих, когда Кукушка резко развернулась и уставилась на весь класс подслеповатыми глазами. Дэн подождал, когда историчка снова повернется к доске, и ухмыльнулся: – Хорош ломаться. Я ж не выебываюсь. Просто погуляем, а потом я тебя домой провожу, и все. Ну, чо?

– Я подумаю, – снова хихикнула Наташка, и по лицу Дэна все поняли, что именно этого он и ждал. Зяба снова гаденько заржал и хлопнул Дэна по протянутой ладони. Я же, представив, как Дэн ебет Панкову, заскрипел зубами и свел ноги вместе. Спалюсь со стояком перед классом, и до конца учебы меня будут чморить сильнее, чем Шпилевского.

– Шпилевский, пидорасина! – Зяба, потеряв интерес к разрисовыванию шариковой ручкой белой рубашки Щенкова, повернулся в другую сторону и, вытянув шею, уставился на тощего Шпилевского. – Чо там? Пишешь?

– Да, пишу, – Шпилевский всегда говорит тихо, а сейчас его слышу лишь я, да Зяба.

– Смотри, чтоб красиво и без ошибок.

Фыркнув, я покачал головой. Хуй Зяба хоть одну ошибку найдет, потому что знает, что Шпилевский его боится. Шпилевский вообще всех боится. Даже Щенкова, который иногда выебывается на него, когда старшаков нет в школе или они съебываются покурить в туалет. Я, бывает, заступаюсь за Шпилевского, хоть это и не принято. Но если Зяба или кто еще из старших начинает его чморить, то лучше не лезть. Себе же хуже будет. Вот и сейчас все настороженно следили за их диалогом. Кукушка, если и слышала, то никуя не делала, как и всегда. Я давно уже привык, что она закрывает на все глаза. Может, боится старшаков, а может, просто такова её гнилая натура.

– Хули ты на меня не смотришь, когда я с тобой разговариваю, а? – в голосе Зябы прорезались визгливые и недовольные нотки. Шпилевский, вжав голову в плечи, побледнел, понимая, к чему все идет.

– Пишу же, – еле слышно повторил он, робко смотря на Зябу.

– Пиши, ебасосина, – Зяба удовлетворенно хмыкнул и, повернувшись к Дэну, тихо добавил: – Пиздец, чмо, а?

– Не пацан, – подтвердил Дэн. – Даже Щеню боится до усера. Нахуй таким быть. Удавился бы и все.

– Куда ему, – заржал Зяба и приклеил на рожу лягушачью улыбку, когда Кукушка в который раз повернулся. – Лариса Пална, а можно выйти?

– Сиди, Зябликов. Школа только началась, а ты уже сбежать хочешь, – рассмеялась Кукушка и, чуть подумав, кивнула. – Ладно, иди. Только недолго. Сейчас будет подведение итогов...

– Кому они, нахуй, всрались, – буркнул Зяба и, вставая, вплепил мне леща. – Хули расселся, Ворона? А ну пропусти.

Я, сжав зубы, чуть сдвинулся к Щенкову, хотя и понимал, что Зяба просто ищет повод, как и все. Но сегодня я ему его не дам. Может хоть доебывать будет меньше.

– Во! Другое дело.

Смех Зябы – это отдельная пытка. Меня начинает колотить сразу же, как я его слышу. И до сих пор, просыпаясь ночью от кошмара, я снова слышу его. Хуй знает, когда забуду. Да и забуду ли.

Уже дома, складывая в книжный шкаф выданные учебники, я заметил толстую тетрадку на девяносто шесть листов. Синюю обложку покрывал слой пыли, а в правом верхнем углу моим почерком было выведено: «Дневник».

Внутри были исписаны только две страницы. Первая запись после того, как я вернулся от маминой подруги, и вторая, после того, как Зяба с Котом спиздили мои новенькие зимние ботинки, из-за чего я возвращался домой в сменке, потом простудился и проболел две недели. Еще и пизды получил за пропажу. Почему я не выбросил тетрадку? Вспомнил. Её мне посо-

ветовала вести как раз мамина подруга, начитавшаяся переводов немецких журналов о психологии, подшивка которых обнаружилась в районной библиотеке. А не выбросил я дневник потому, что после переложения на бумагу произошедшего за день мне становилось легче.

Я вырвал те две страницы и, подумав, сел за стол и взял любимую отцовскую ручку, которую он мне подарил в седьмом классе. Ручка была дорогой, и отцу её подарили на заводе за успехи цеха, которым он рулил. В школу я её никогда не брал, потому что знал, что рано или поздно Зяба, Кот или еще кто-то обязательно найдут её, спиздят или поломают. А ручка была хорошая, только стержни приходилось подрезать. Те, что продавались в магазинах, были слишком длинными.

Родители никогда не шарились по моей комнате. Знали, что я не курю, не пью и клей не нюхаю. Поэтому на дневник никто не обратил внимания и не выбросил, пока я был в деревне на каникулах. На секунду мне подумалось, что это знак. Знак, что не стоит держать в себе ненависть, боль или страх. Надо излить его на бумагу и забыть, как о страшном сне. Если родители меня не слышат, то пусть услышит эта синяя тетрадка.

Подумав, я решил вести дневник не так, как принято. Пусть это будут заметки о моей жизни, об уродах, которые её населяют. Может, их кто-то прочтет потом, или на меня накатит ностальгия по школе... Конечно, блядь! По этому говну я никогда скучать не буду. Зато буду считать дни, когда все кончится.

Глава вторая. Люди и звери.

С детства и до последнего звонка меня всегда окружали люди и звери. Отличить их было просто, несмотря на то, что и те, и те были двуногими, могли говорить, дышать и думать. Люди оставались людьми при любом пиздеце. А звери становились злее. В школе тоже были люди, хоть и немного, и звери.

Лёня Шпилевский. Пусть его хуесосили, оскорбляли, обоссывали, издевались и избивали, он все равно остался человеком. Да, хилым. Да, трусливым. Но он никогда не уподоблялся тем, кто измывался над ним.

Шпилевский был евреем. Настоящим таким. Носатый, с вылупленными глазами и обреченным хуем, в чем мы убедились, когда Кот дал упирающемуся Шпилевскому пизды в раздевалке и стащил с него трусы. Случилось это в шестом классе и стало отправной точкой. С этого момента уроды поняли, что Шпилевский не дает сдачи. Он никогда не кричал, не звал на помощь, не отбивался. Вместо этого он терпел и молчал. Даже когда было больно, что дико бесило Зябу и Кота. Глаза предпочитал доебывать тех, кто хоть как-то реагировал. Меня или Щенкова. Мы были его ебанными любимчиками. Шпилевского он чаще всего игнорировал.

У Шпилевского и без уродов был ворох проблем. Он очень сильно заикался, но за каким-то хуем учился в «нормальной» школе. Часто болел и порой падал в обмороки на уроках. Худой, со впалой грудью и ручками-спичками, он напоминал мне Пиноккио из моей любимой книжки детства. Разве что глаза были не глупыми, а усталыми и черными, как ночь. Учителя его тоже не любили. Наша математичка, Надежда Викторовна, носящая погоняло Антрацит, люто ненавидела Шпилевского, считая, что он придуривается, а заикание – лишь способ отлынивать от выхода к доске.

Она заразила этим и остальных учителей. Особенно старалась Кукушка, которая любила вызвать Шпилевского под конец урока и заставить отвечать на вопросы по заданному на дом параграфу. Шпилевский молча выходил к доске, прислонялся спиной к стене, и начиналась мука...

Весь класс уссывался с того, как он корчился и мычал. Зяба без стеснений орал шакальим воем и чуть ли не падал со стула. Кот и Глаза передразнивали особо «сложные» для Шпилевского моменты, а сам он продолжал корчиться и страдать, пока Кукушка, с ебалом ментора, не отправляла Шпилевского на место, пизданув напоследок:

– Так и знала, что ты не учил. Садись, два.

Только Шпилевский все знал. Он учил каждый ебанный параграф, который ему задавала Кукушка. Мог легко доказать любую теорему Антрацита. Только письменно, а не устно. Он покорно отдавал свой грязный и заплеваный уродами дневник, выслушивал очередную нудную проповедь от Кукушки на тему неопрятности, получал двойку и возвращался на место. Оценки он выравнивал в письменных работах, и любую комиссию наверняка бы заинтересовало, хули Лёнька учится на «пять-два, пять-два». Но наши комиссии, если и посещали школу, по классам ходили редко и выступлений Шпилевского не видели, предпочитая отсиживаться в кабинете Слепого.

Его родителей я видел лишь пару-тройку раз. Отец Шпилевского, такой же носатый и тощий, в тонких, почти бумажных брюках и желтой рубашке, о чем-то разговаривал с директором, а потом так же незаметно испарился, когда я отвернулся на пару минут. Мать у Лёньки была красивой, хоть и еврейка. Даже Кот, стрельнув глазами по её стройной фигурке, выдал:

– А я б ей присунул. Слышь, Шпилевский? Подгонишь мамку по-братски?

То был единственный раз, когда Шпилевский огрызнулся. Он молча встал, подошел к Коту и, прочистив горло, смачно обхаркал ему ебальник. А когда Кот собрался убить еврея, за него внезапно вступился Дэн, который отвесил Коту подзатыльник и сказал:

– Ебу дал? Его хоть запизди до смерти, но мамку его не тронь! Пацаны так не делают.

Только Кот один хуй отпиздил Шпилевского на следующий день. Так сильно, что тот из школы на месяц пропал. Глаза потом одноклассникам рассказывал, что Кот его до синевы отхуярил и сломал что-то. Однако ни милиции, ни проверок, ни разгневанных родителей Шпилевского так и не случилось.

Спустя какое-то время я разговорился с ним и спросил, а кто его родители. Шпилевский, как и всегда, лаконично ответил:

– Люди. Как я. Как ты.

Больше я его не спрашивал. Значит, были причины молчать, а вытягивать что-то из Шпилевского – гиблое дело. Поговаривали, конечно, что его папка на рынке торгует, а мать дома сидит. Но правды так никто и не узнал.

Несмотря на то, что Шпилевского чморил весь класс, за исключением разве что других лохов, типа меня и Огурцовой, он всегда был рад прийти на помощь. Если Рыгало, наша физичка, вдруг давала ебанутую или сложную задачу, Шпилевский давал скатать всем, без разделения – чморит его кто-то или нет. Однажды я проебал на стадионе отцовские шерстяные варежки: хорошие такие, добротные, и Шпилевский со мной два часа копался в колючем снегу, чтобы помочь найти их. Просто так и ничего не прося взамен. Тогда-то я и понял, что человечности в нем куда больше, чем на первый взгляд.

Щенков. Щенков – заслуженный лох. Мерзкий, хитрожопый, злобный и вонючий кусок говна. Я с ним просидел весь девятый класс, а в десятом он наконец-то съебал, поступив в ПТУ в пятнадцати минутах ходьбы от школы.

Если Шпилевского чморили незаслуженно, то Щенков заслужил каждую пиздюлину. Зяба и Кот любили натравливать его на Шпилевского или на меня. Но со мной это не прокатило, поэтому уроды забили. Когда Щенков, по приказу Кота, харкнул мне в тетрадь, я заехал ему в ухо и следующие два часа выслушивал завуча о том, какой я плохой мальчик, и что нельзя применять физическую силу к одноклассникам. То, что уроком ранее Глаза так ебнул Шпилевского учебником, что тот головой об стол ударился, её не волновало, хотя училка все видела.

Щенков после пиздюлины перестал ко мне лезть и стал отрываться на Шпилевском. Его мерзкая рожа расплывалась в улыбке, когда он чморил кого-то по указке старшаков. Ему это нравилось, и, наверное, больше всего на свете Щенков хотел быть таким же, как уроды. Издеваться над другими, тискать баб в гардеробе, иметь уважение старших пацанов.

Только статью не вышел. Тот же Кот или Зяба, опиздюлившись, делали все, чтобы восстановить статус-кво. Им было похуй, кто перед ними. Не отстоишь свою честь – сам станешь лохом. Они это прекрасно понимали, а Щенков просто боялся тех, кто был сильнее его. Он униженно хихикал, когда Зяба впервые насрал ему в портфель в школьном туалете и спросил, смешно ли ему. Говорил, не подумав, из-за чего получал пизды за свой длинный язык и продолжал получать из-за своей тупости.

Еще у Щенкова что-то странное с кожей было, из-за чего он постоянно чесался и его черный, вытянувшийся свитер украшали ломкие хлопья, то ли перхоти, то ли какой-то другой хуйни. Мне порой казалось, что Щенков не знает, что у нормальных людей принято следить за своим внешним видом. Даже Шпилевский, хоть и в стареньких шмотках, но всегда опрятен.

Щенков же вонял, как помойка. Из рта его постоянно несло или кислой капустой, или чесноком. Если приблизиться к нему слишком близко, то от амбре можно натурально ебнуться в обморок или проблеваться. Уроки истории, математики и биологии в девятом – мой личный кошмар, потому что моим соседом был Щенков.

Алёна Огурцова. Тихий и скромный человек, которому не повезло со школой, одноклассниками и жизнью. Я прошел с ней через всю школу. С первого по одиннадцатый класс. Поначалу избегал, как и все, в третьем классе смеялся, что она ходит в старом, дырявом платье, а

потом увидел её другой. Осознал и понял, что Алёнка – не такая, как Панкова, как Лазаренко, как любая девка из нашей школы.

Отец Алёнки ушел из семьи, когда она отправилась в первый класс. Просто собрал манатки, сказал, что любит другую и съехал в закат. Алёнкина мамка поплакала неделю, а потом засучила рукава и стала учиться выживать.

Она въезывала на трех работах: утром мыла полы в педучилище, потом шла на «Блоху» торговать всякой мелочевкой, которую набирала у соседей, а вечером убиралась в школе. Однажды Панкова спалила, как мамка Алёнки раком драит желтые от мочи толканы в школьном туалете, а утром про это узнала вся школа.

– Прикинь! – верещала Панкова, тыкая пальцем в грудь Лазаренко. – Захожу я покурить в туалет, а там Огурцовой мать стоит на коленях и унитаза моет. Лошара, пиздец просто!

Это произошло в пятом классе и тогда многие поняли, почему Огурцова вечно ходит в заштопанных платьях, громоздких башмаках и со старым портфелем, с которого жутко на всех пялился одноглазый и порядком побитый временем олимпийский Мишка.

Я изменил свое отношение к Огурцовой, когда задержался в школе до вечера, помогая сортировать в библиотеке новые книжки, а потом, перед уходом, зашел в туалет, чтобы помыть руки. Там я увидел, что Алёнка вместе с матерью стоит на коленях и драит заплыванный пол вонючей тряпкой. Она, увидев меня, покраснела, но меня словно молнией прошибло и стало дико стыдно.

– Здравсьте, тетя Наташ, – поздоровался я, подходя к умывальнику. Затем, посмотрев на Огурцову, улыбнулся и добавил. – Привет, Алён. Слушай, а ты не помнишь, что нам по литре на завтра задали читать?

– Слово о полку Игореве, – тихо ответила Огурцова и робко улыбнулась в ответ.

– Точно! Спасибо!

Огурцовы жили в доме напротив, на пятом этаже, и я знал тетю Наташу, Алёнкину маму. Еще детьми мы играли в песочнице, пока она сидела на качелях и читала «Анжелику», приглядывая за нами. А потом стало не до чтения любовных романов. Жизнь всегда круче книг.

О том, что отец ушел, что денег стало не хватать, я узнал позже от Алёнки, когда мы коротали время до следующего урока в дальнем углу стадиона, где росли деревья и был спасительный тень. Она сбивалась, краснела, тайком утирала глаза, но почему-то решила мне рассказать об этом. Словно я был единственным, кто не осудит её и поймет. Рассказала, улыбнулась и снова превратилась в привычную всем Огурцову, которую заботят одни лишь учебники и уроки. Да и девки наши скоро потеряли интерес к тому, что мамка Алёнки драит школьные толканы вечером. Хорошие они все-таки люди. Тихие, скромные и честные.

Оля Лазаренко. Её я плохо помню. Может потому, что видел её только в школе, и все. Лазаренко была красоткой, как и Панкова. Только у Панковой красота была натуральной, а Лазаренко приходилось въезывать, чтобы оставаться красивой.

Она занималась танцами, часто ездила на конкурсы, дважды была за границей, не курила и с уродами особо не общалась. Она напилась лишь однажды, на выпускном.

Стройная, длинноногая, с короткой прической и еле заметной грудью, Лазаренко была похожа на тех моделей, на которых я надрачивал в бабкином деревянном сортире в деревне. Санёк, наш сосед, как-то дал мне замызганный журнал с голыми бабами. Дал всего на день, но я использовал время по максимуму, натерев себе на залупе огромную водяную мозоль и забив голову одинаковыми длинноногими моделями.

Олька редко общалась с уродами. Лишь с Дэнном только, да и то, потому что он с Панковой мутит. К Лазаренко не подкатывал только ленивый. Даже я в пятом классе тайком принес в школу вялую розочку, сорванную в палисаднике возле дома, и положил её на парту Ольке. А уж сколько раз я дробил, глядя на её фотографию, вырезанную из журнала, вообще говорить стыдно. Лазаренко тогда ездила в Польшу на какой-то танцевальный турнир, и её фото напеча-

тали в местном журнале. На фото она стояла в тоненьком спортивном платьице, демонстрируя свои длинные ноги во всей красе.

В школе она меня подчеркнуто игнорировала, как и всех лохов. Кот как-то сказал, что Лазаренко просто выебывается, что не такая, и её надо опустить на землю. Но, получив пизды от Дэна, заткнулся и продолжил молча пожирать жадными глазами Олькину стройную фигурку.

Остальные одноклассники были серой массой. Лишь в десятом пришла пара-тройка тех, кто достоин упоминания. Но остальные... остальные были обычными. Кто-то курил, кто-то выделялся тем, что наблевал на спину впереди сидящего соседа в шестом классе, кто-то просто был уродлив и старался не отвечивать.

Любая школа состоит из таких людей. Их и к уродам не отправишь, и к лохам они тоже не относятся. Вроде есть, а вроде и нет их. Но отдельная тема – это учителя.

Сборище тупых, жадных, лицемерных уебков, которые искалечили многим жизнь. Людей среди них было двое, остальные – уроды, как и большая часть моих одноклассников. Даже Кукушка, та еще мразь, заставлявшая выходить к доске Шпилевского и наслаждавшаяся его корчами.

Надежда Викторовна, с прозвищем Антрацит, выделялась особо. Она питала лютую ненависть к Шпилевскому, ко мне... да ко всем, блядь. Казалось ей просто нравится всех ненавидеть. Ебаная гнида, которая еще долго снилась мне после школы.

Погоняло Антрацит было дано ей не случайно. Цвет её волос был фиолетовый, только какой-то пожухлый, словно его жопой размазали, да так и оставили. Зяба, забавшийся ломать голову, как описать этот цвет, обратился к Шпилевскому, и все получили новое погоняло математички.

Она работала в школе со времен распределения из педа и, когда я уходил из этого ебаного гадюшника, продолжала работать, отбивая у пиздюков страсть к математике. Её учебный процесс строился на устаревших совковых методиках, из-за чего ровным счетом ни хуя не было понятно. Объясняя тему, она всегда задавала вопрос: «Всем понятно?». И если ты говорил, что нет, из её рта вырывался на волю такой поток говна, что он сносил не только тебя, но и сидящих рядом. Антрацит не стеснялась переходить на личности и обсирать дефекты учеников. Шпилевского она без стеснения называла «зайкой» и «симулянтом», я был у неё «бездарем и тупицей». Уродов она не трогала, потому что Кот однажды перебил её по спине указкой.

Не тоненькой палочкой из дешевой пластмассы, а здоровенной деревянной хуйней, которую кто-то выточил на уроках труда. Антрацит тогда высказалась, что тупее Кота может быть только говно в унитазе. Кот стерпел, а когда закончился урок и математичка отвернулась к доске, подошел, схватил указку и от души перекрестил жирную спину. Его спасло лишь то, что у математички сбилось дыхание и она упала на пол, стараясь его восстановить. Кот успел съебаться, а потом старшаки долго ржали, когда он рассказывал им о своем подвиге. Я в душе тоже отсалютовал Коту, и это был единственный раз, когда он получил от меня одобрение.

Но хуже всего приходилось тем, кто сидел на первых партах. Антрацит обладала одной мерзкой особенностью: когда она говорила – она орала. И в этот момент из её рта вылетал отборный поток слюней, заливавший всех, кому не посчастливилось оказаться поблизости.

Первые парты быстро научились прятать учебники под стол и вытаскивали их лишь тогда, когда ебанутая училка возвращалась на место или отходила к доске. Иногда она брала чей-нибудь учебник в руки, и к хозяину возвращалась книжка, которую кто-то выебал, да не раз. Новенький учебник, купленный за кровные, превращался в развалину, которую потом никому не продашь.

За её отношение к ученикам Антрацит постоянно страдала от проделок Кота и Зябы. Пойманная в подвале школы крыса подкидывалась в ящик с тетрадками. Оставленная на столе кружка к концу перемены была наполнена слюнями тех, кого Антрацит откровенно зае-

бала. А на восьмое марта кто-то подарил ей похоронный венок. Был скандал, но шутника так и не нашли. Лишь Щенков порой мстительно посмеивался, вспоминая перекошенную рожу Надежды Викторовны, когда она увидела «подарок». В классе потом долго воняло валерьянкой.

Рыгало. Еще одна мразь из моей школьной жизни.

Анфиса Филипповна преподавала в школе физику. Преподавала так давно, что даже директор забыл, когда этот пыльный мешок с говном поступил на службу образованию. Толстожопая, дряблая, в измаранных пятнами платьях, больше похожих на халаты, она гордо курсировала меж рядами парт, заставляя учеников задыхаться от вони.

Рыгало воняла скисшей капустой, говном и ссаниной. Даже Щенков, по сравнению с ней, пах как весенний лужок на заре. А если примешать к этим ароматам запах старости, то на выходе получалось настоящее химическое оружие.

Свое погоняло Анфиса Филипповна получила из-за жуткой привычки постоянно рыгать. Она рыгала, когда молчала, рыгала, когда говорила, даже когда спала, наверняка тоже рыгала. Рыгала без стеснения, обдавая лицо сидящего содержимым своего желудка. Лёнька как-то блеванул, когда она рыгнула рядом с ним. Взял и натурально выпустил из себя тугую струю желудочного сока вперемешку с полупереваренным завтраком. А Рыгало на следующий день пришла в этом платье на работу, и мы увидели, что к коллекции пятен добавились новые, оставленные Шпилевским.

Учителем она была откровенно хуевым. Может быть раньше, когда маразм еще не посетил Рыгало, она учила детей чему-то новому и интересному. Мой класс она учила хуй знает чему, но только не физике. Объясняя новую тему, она запросто могла перескочить на политику, сериал или два часа трещать без умолку о своей семье. А на следующий урок дать контрольную и орать после нее, какие все долбоебы, раз неспособны понять простую тему.

Те, кто мог, ходили по репетиторам, а те, кто не мог, учились самостоятельно. Но один хуй получалось плохо. Лишь двое могли похвастаться четверками и пятерками по физике. Огурцова и Дэн. Если с Алёнкой и так было понятно, то Дэн получал хорошие отметки только из-за своего бати, который, не стесняясь никого, тасил Рыгало пакеты со жратвой: копченной колбасой, деревенской птицей, сыром и дорогим бухлом. Поэтому Дэн спокойно мог послать Рыгало нахуй, и ему за это ничего не было. Чаще всего он просто проебывал уроки, а я, проверяя журнал, находил, что он, оказывается, получил пятерку в этот день.

– Будешь выебываться, – сказал он как-то Коту, – я скажу Рыгале, и она сядет тебе на лицо!

Почему-то никто не сомневался, что Рыгало это сделает, если Дэн прикажет.

Тарас Григорьевич Коваль, носящий погоняло Слепой. Директор школы и, по совместительству, преподаватель русского языка и литературы.

Слепым его звали потому, что он никуя не видел дальше своего носа. Записывая на доске очередное домашнее задание, он умудрялся вымазать нос мелом так, что казалось будто он вьебал кокса. Но слепым он был странным. Кот называл его «Фальшивый Слепой».

Все потому, что у Слепого была странная любовь к красоткам нашего класса – Панковой и Лазаренко. На русском они сидели отдельно – Натаха с Дэном, а Лазаренко со мной. И вовсе не из-за большой любви. Просто русский язык я знал и интуитивно писал без ошибок. Лазаренко скатывала у меня все подчистую, а на перемене утром всегда брала тетрадь, чтобы переписать домашку.

Любовь Слепого выражалась в том, что стоило ему остановиться рядом с партой Лазаренко или Панковой, как у него начинал вставать хуй. Слепой носил свободные брюки старого образца, поэтому за процессом мог наблюдать каждый. Наташка смеялась в эти моменты и утыкалась в плечо Дэна, который, набычившись, смотрел на директора. А Лазаренко фыркала и пряталась за учебником, пока Слепой не уходил. Мне было хуже всего, потому что Олька

сидела у стены, а я у прохода. И директорский хуй, начинавший восставать, постоянно оказывался в неприятной близости от моего лица.

Когда Слепой возвращался за стол, то хуй опадал, но вставал снова, когда он оказывался рядом со своими любимицами. И у Панковой, и у Лазаренко всегда были пятерки по русскому. С учетом того, что Панкова умудрялась делать ошибки в простейших словах, а её диктант словно писал табун чурок.

В остальном Слепой был обычным ебланом. Он не замечал, что в школе процветает воровство из гардероба и прочие мелочи, зато оживлялся, когда на горизонте маячил сбор денег на ремонт школы и прочая хуйня. Дэн всерьез его хотел отпиздить за странную любовь к Панковой, но Наташка сказала, что её это веселит, и Дэн нехотя оставил Слепого в покое. Однако тоже пересел со своей бабой к стене. Слепой, что удивительно, слишком близко к Дэну не подходил. Словно чувствовал, что если сделает еще шаг, то его хуй получит не той пизды, о которой он мечтает.

Но помимо уродов среди учителей, в школе были и люди. Одной из них была учительница литературы – Елена Владимировна.

Она была молоденькой выпускницей пединститута. С горящими глазами и желанием учить. А еще с хорошей фигуркой, большими глазами и красивыми, мягко очерченными губами. Когда она говорила, я мог вечность наслаждаться её голосом. А, то, как она вела свои уроки, показывало как нельзя лучше, что из нашей школы надо нахуй выгнуть всех Рыгал, Слепых и Кукушек. Елена Владимировна сумела привить любовь к литературе даже таким, как Зяба и Кот.

Они дали ей погоняло Киска и частенько сально шутили, представляя, как и в каких позах с ней бы развлеклись. Я, пожалуй, был единственным из класса, кто называл её только по имени-отчеству вне уроков.

Елена Владимировна уделяла время обязательной школьной программе, тщательно разбирала классические произведения, а потом устраивала игры: мы читали по ролям, анализировали поведение героев, постигали суть произведения, благодаря чему даже унылый Достоевский вдруг начинал играть красками.

На её уроках не летали стулья, не плевались бумажкой через разобранные ручки, уроды не доебывали лохов. Мой сраный класс по-настоящему учился: запойно и с удовольствием. А те, кто пытался выделиться сарказмом или протестом, тут же получали от Елены Владимировны достойный ответ, заставлявший класс взрываться хохотом.

Когда Глаза, на вопрос учителя «что же сделал Чацкий перед тем, как покинуть Москву в финале», ответил:

– Ну, эта... бабку топором ебнул. А потом свалил, типа...

Елена Владимировна молча встала из-за стола, подошла к тяжелой занавеске, закуталась в неё и тихо сказала, что ей надо прийти в себя в одиночестве. Ржали все, включая Глаза. И это был один из немногих случаев, когда Глаза после урока не избил смеющегося над ним Шпилевского или Щенкова. К концу года даже он неплохо знал сюжет «Горе от ума» и мог спокойно ответить, что же сделал Чацкий перед отъездом. А все из-за невероятной терпеливости и безумной энергии Елены Владимировны.

Я, пересилив застенчивость, частенько оставался после уроков на два часа, чтобы обсудить с ней очередную прочитанную книжку. Она единственная, кто не говорил мне, что фэнтези и фантастика – это хуйня. Наоборот, она, казалось, прочла все и знала даже то, что никто не знает.

Мое сердце замирало, когда мы, обсуждая Толкина, вдруг придвигались друг к другу, и я чувствовал тепло её бедра, на миг прижавшегося к моей ноге. Именно Елена Владимировна возродила во мне любовь к литературе и всячески поддерживала её, не занимаясь обсиранием, как остальные уроды.

Шпилевский на её уроках улыбался. Его никогда не вызывали к доске, предпочитая давать письменное задание. Более того, Елена Владимировна научила его читать стихи без заикания всего за пару часов, когда Лёнька оставался после уроков. Все вытаращили глаза и открыли рот, когда он однажды вышел к доске и ебанул отрывок из «Бородино» без заикания. Он сам охуел, когда ему захлопали, и охуел вдвойне, когда увидел, что ему хлопают Дэн и Глаза. А рецепт был прост: Елена Владимировна научила Шпилевского рассказывать стихи нараспев, потому что заики, когда поют, не заикаются. Это она потом объяснила мне, когда я поинтересовался, как у нее получилось сотворить чудо с Лёнькой.

К сожалению, её заставили уйти из школы под давлением «старых» учителей. Антрацит, Кукушка и Рыгало выступили в едином порыве и выебали Слепому мозг, что молодая хамка занимается на уроках хуй пойми чем и детей не учит. Елена Владимировна ушла сразу после экзаменов. Ушла тихо, и только наш класс высыпал провожать её. Ей говорили добрые слова, обнимали, и даже Зяба был угрюм и неразговорчив. На следующий день он как-то сумел пробраться в кабинет Слепого и надристал ему в ящик стола. Скандал тоже был, потому что Зяба засрал какие-то важные бумажки с подписями. Но виновного так и не нашли, да наши бы его и не сдали. Даже лохи, при всей ненависти к Зябе, в тот момент промолчали.

Елена Владимировна ушла, и литературу у нас стал вести Слепой. На уроки вернулось уныние и его стоящий хуй, когда он дефилировал между Панковой и Лазаренко. А Шпилевский частенько плакал в туалете, когда был один. Только я знал, почему он плачет. Ушел единственный человек, который не относился к нему, как к говну.

После ухода Елены Владимировны наш класс снова превратился в стадо убанов.

Вторым человеком в нашей школе был трудовик. Арсений Игоревич.

Шаблон, что трудовик вечно пьян, подтвердился, когда мы в пятом классе впервые переступили порог мастерской. Арсений Игоревич восседал на стуле за своим занозистым столом, на столе стояла полупустая бутылка водки и пепельница. В классе воняло перегаром и сигаретами, но всем было похуй.

Арсений Игоревич бухал по одной причине. Афган, откуда ему чудом удалось выбраться. Лицо трудовика было перекошено, да и ходил он странно, постоянно прихрамывал. Все из-за ранения, как он однажды рассказал нам, сопливым пацанам, благоговейно слушавшим сухой и жесткий рассказ о войне.

Бухал он всем, что горит, из-за чего и получил погоняло Калдырь. Слепого его попойки не волновали по одной простой причине. Рукастее мужика было не сыскать. Поначалу было странно наблюдать, как его трясущиеся руки внезапно замирают, и он начинает творить. А потом к этому все привыкли.

Арсений Игоревич, порой отрывивая выпитую на перемене водку, работал за токарным станком так, словно он убежденный трезвенник. Руки не тряслись, работа спорилась, а мы, окружив его, внимали мудрости. Каждое свое действие он подробно объяснял: зачем, как, почему. Объяснял так, что вопросов не оставалось даже у тупых Зябы и Кота.

Он учил нас не только строгать указки для учителей и лепить киянки из непросушенного дерева. В восьмом классе он начал учить нас разной бытовухе. Как самому починить розетку, как сколотить табурет, как провести проводку, как ремонтировать сантехнику.

Он был жесток и сух, но наши его уважали. Даже Глаза, который однажды полез в розетку под напряжением и получил нагоняй от Арсения Игоревича.

– Комаренко! – рявкнул он, когда Глаза трянуло и весь класс заржал. Он подошел, вцепил Глазам хороший такой подзатыльник и добавил: – Ну шо ж ты такой долбоеб, Комаренко? Папка у тебя тоже долбоебом поди был?

– Нет, – ответил ему Глаза, но предательская улыбка трудовика заставила его заржать.

– Так не подкачай папку-то. А ну как узнает, шо сын у него долбоеб, да удавит самолично. Проверь сначала, шо отключено, а потом лезь пальцами. Понял?

– Понял, – ответил Глаза и снова полез в розетку пальцами, за что снова получил подзатыльник и полагающийся ответ.

– Нихуя ты не понял, Комаренко, – и общий ржач поставил точку в этом странном диалоге.

Да, он ругался, не стеснялся при нас пить водку из горла. Но не было случая, когда он отказал кому-то в помощи или забил на урок. Он никому не ставил двойки и вместо этого заставлял человека сделать так, как надо. Терпеливо объяснял раз за разом, иногда взрывался, крыл матом и отвешивал подзатыльники. Но никогда не опускал руки. Именно он сделал из безруких долбоебов худо-бедно рукастых людей.

Глава третья. Люди нашего двора.

Дорога до школы занимала у меня пятнадцать минут, и идя домой, я часто встречал людей из своего двора. Старых и молодых, старшаков и моих ровесников, которые учились в других школах или в шараге неподалеку.

Чуть поодаль от школы, через дорогу от моего двора, среди густых кустов и мусора, располагался Колодец – бетонная коробка под землей, где на горячих трубах любили собираться зимой наши старшаки и пацаны со двора. Они курили, дышали клеем, бухали дешевой бормотухой, которую гнала моя соседка и продавала за скромную цену всем, кто не мог позволить дорогой алкоголь.

В детстве я любил зависать в Колодце. Казалось крутым, что ты толкаешься со старшаками, лишь со временем стало понятно, что мы были для них чем-то вроде клоунов. Казалось смешным напоить пиздюка, а потом смотреть, как тот блюет и пытается не ебнуться в обморок. Мне повезло избавиться от Колодца в моей жизни, но были и те, для кого Колодец стал вторым домом.

– Э, Ворона! Эт ты? – пьяный и знакомый голос остановил меня, когда я медленно брел домой по хрустящему снегу и наслаждался морозным воздухом. Повернувшись, я увидел торчащую из люка голову и немигающие погасшие глаза Мафона, одного из наших старшаков.

– Ага. Здорова, Мафон! – крикнул я, делая шаг вперед. Мафон, однако, замахал руками.

– Погодь, погодь. Сгоняй не в падлу в киоск, а? Сиги кончились, курить, бля, охота, а мы тут вмазаны.

– Не вопрос.

Мафон, оскалившись, бросил мне смятую кучку налика и исчез в дыре. Он никогда не уточнял, какие сигареты брать. Все знали, что ему надо и сколько денег он давал. Закрысить сдачу означало получить пизды, потому что нельзя крысить у своих.

Купив в киоске три пачки красного «Бонда», я возвращался к Колодцу и, дважды стукнув по ржавому листу металла, дожидался, когда оттуда снова вылезет голова Мафона. В тот раз он был в хорошем настроении и пригласил меня внутрь. Отказываться было нельзя. Если Мафон приглашал, приглашение принимали, поэтому я, скрипнув зубами, полез вниз.

Там, в теплом сумраке, сидело шестеро человек. Четверых я знал, а двое других, видимо, были залетными. Причем по их округлившимся глазам я понял, что пацанов разводят на бабло. Мафон мог запросто дать пизды и отобрать все, но порой просто любил поиграться. Такое с ним случалось, когда он надыхался клея и опрокинул внутрь пару-тройку стаканов бухла, рождающих в нем тягу к приключениям.

– Хуль ты Ворону-то позвал? – недовольно протянул сонный, воловатый Дрон. Он любил до меня доебываться, несмотря на то, что был моим соседом и жил во втором подъезде. – Он ж вообще нулевой.

– А ты сам, блядь, за сигами пошел бы? – недовольно ответил ему Мафон. – Позвал, значит, надо. Нормальный он пацан. А то, что не трется с нами, так похуй. Чо, Ворона, как учеба?

– Идет, – коротко ответил я, вертя в руках гнутую кружку с жижей, от которой разило спиртом.

– Чо, после девятого в шаругу? – спросил невысокий, но крепкий Мизинец. Ему как-то на одном махаче мизинец отрезали ножом, с тех пор иначе как Мизинцем и не кликали. Мизинца я знал хорошо. Он жил в моем подъезде, на пятом этаже, и в детстве мы вместе гоняли в войнушку, «сифу» и футбол. Потом Мизинец прибил к Мафону, забил хуй на школу и стал одним из уродов, которых я ненавижу.

– Не, родители настаивают, чтобы одиннадцать классов закончил, – покачал я головой, заставив Мизинца заржать. Он тоже был вмазанный и сейчас растекся на трубах, как сопля.

– Нахуй эта школа нужна?! – буркнул Мафон, закуривая сигарету. – Я вот хуй забил после девятого и нормально живу. Со старшими на металле работаю, деньги имею, баб ебу.

– Бля, дайте поспать, а? Заебали пиздеть! – протянул из темного угла Ебало, которого я увидел только сейчас. Ебалом его звали за то, что у него было страшное ебало. Мафоновские пацаны на вычурные клички время не тратили. Однако он заткнулся, когда Мафон шикнул на него.

– Слышь, Ворона, а ты бабу-то пер хоть раз?

– Ага. В мечтах, блядь, – фыркнул Дрон, заставив всех заржать. Но Мафон махнул рукой и смех умолк.

– Сиф? Сиф, блядь! Проснись, нахуй! – рявкнул он, заставив подпрыгнуть четвертого. Противного, плешивого типа с погонялом Сифилис. Тот недовольно посмотрел на старшего и скривил рожу. Сифилис был самым мерзким среди мафоновских. Бледнокожий, с желтыми кругами под глазами, он всегда шлялся по району или вмазанный, или бухой. А на его роже постоянно алели свежие синяки. Мафон дождался, когда Сифилис сфокусируется на нем, и спросил: – Где там твои шмары?

– Ща придут, отъебись, – лениво махнул рукой Сифилис. – Ворона, у вас когда уроки закончились?

– Шестого не было. У остальных идут еще.

– Ну вот и заебись, – пробормотал Сифилис, снова устраиваясь поудобнее на трубах. – Ща закончат и придут.

– Чо, Ворона, останешься с нами? – хихикнул Дрон. – Бабу поебем, бухнем, дунем.

– Не, мне домой надо. Папка помочь просил. Плита наебнулась, – я идеально сыграл огорчение, чтобы пацаны повелись. Но они и так были вмазаны, поэтому мой отказ их не особенно и обидел.

– Ладно, дуй отседа, пока твои не хватились, – усмехнулся Мафон, ехидно посмотрев на притихших залетных. – А мы тут с гостями пока потрешим.

– Пока, парни, – буркнул я и резво полез наверх. От вони, перегара и запаха клея начало мутить. Я не понимал, как они умудряются сидеть в Колодце весь день и не сходить с ума. Впрочем, на них мне было похуй. Как и на залетных. То, что их сейчас отпиздят и оберут, я не сомневался. Мафон никого так просто не отпускал.

Отойдя от Колодца на пару шагов, я столкнулся еще с одним соседом. Толиком Спортсменом. Толик вразвалочку шел от школы, держа в руках спортивную сумку. За школой находилась парковка, где Толик парковал свою гордость – красную «девятку».

Он был старше меня на семь лет и, в отличие от Мафона, был настоящим старшаком. Я знал, что Толик трется с серьезными мужиками, и, помимо машины, у него есть хата в центре. Когда я был мелким, Толик с друзьями, гоняя в футбол, частенько брали меня в команду. Я вихрем проносился между соперников и четким пасом отдавал мяч на ход Толику, который с силой вколачивал круглого в дырявую сетку. Её однажды спиздили пьяные бомжи, чтобы ловить рыбу, да так и не вернули.

– Здорова, Тёмка! – широко улыбнулся он и, поравнявшись, хлопнул меня по спине. Я чуть покряхтел и улыбнулся в ответ. Толика я уважал.

– Привет, – буркнул я. Тот посмотрел на крышку Колодца, потом перевел взгляд на меня и скривился.

– Хули ты с этими ящерами трешься? Мафон же, пиздец, обмудок.

– Да не трус я с ними. За сигаретами гонял, – поморщился я. Толик, чуть подумав, кивнул.

– И правильно. Вся, блядь, их компашка – ебанные уроды. Ебало тоже там?

– Ага.

– Прячется, сука. Он позавчера в центре одного пацана порезал из местных. Те постановили на сходке выцепить Ебало и пизды ему дать по-взрослому, – хохотнул Толик. – Сдать, что ли, дурака?

Но я знал, что Толик никого сдавать не будет. Одно дело не уважать соседей и другое – сдавать их старшим из других районов. Не по-соседски получается. Я шутку поддержал улыбкой и тут же вжал голову в плечи, когда увидел, что навстречу нам идет Зяба с Котом.

Уроды оценивающе пробежались глазами по крепкой фигуре Толика, лстиво улыбнулись и, потупив глазки, обошли нас. Понятно, что трогать меня в этот момент стал бы лишь самоубийца. Но завтра они точно до меня доедутся. Найдут повод. «Хули не поздоровался. Чо, стесняешься? Чо, не познакомил с другом», и прочая хуйня.

– Как в школе, Тёмка? – по-отечески спросил он, вновь заставив меня улыбнуться. Толик, единственный из старшаков, относился ко мне как-то странно, по-доброму. Никогда не подъезжал и не унижал. Может потому, что в детстве мы были дружны, или не такой уж он и урод, как о нем говорят. А говорили многое...

– Нормально. Школа только началась, – кисло бросил я. – Сейчас девятый, потом десятый, одиннадцатый и на волю.

– Эт правильно. Ирка тоже одиннадцатый заканчивает, а потом в институт, – кивнул он. Ира, его сестра и моя соседка по подъезду, училась в одиннадцатом и ко мне относилась, как и все старшекласники. Иными словами, не замечала вообще. – Я уже преподов подмазал, чтобы не валили. С этим дефолтом ебаным все как озверели.

– Угу, – поддакнул я.

– Как родаки?

– Держатся, – я тактично умолчал о маминой истерике, сгоревших крохах накоплений и пьяном отце, мрачно смотрящем в стену. Толик все понял и, поджав губы, еще раз похлопал меня по спине.

– Тём, ты это... Если чо надо будет, маякни, – тихо и серьезно бросил он. Я остановился и, посмотрев на него, криво улыбнулся.

– Спасибо. Сам справлюсь.

Не принято у нас жалиться кому-то. Тем более тому, с кем ты не трешься на постоянной.

Толик хороший парень. Один из немногих «людей» в моем дворе. С детства занимался спортом, получил КМС, с серьезными людьми работает и без нужды не залуцается ни на кого, в отличие от Мафона и его уродов.

Ирку, свою сестру, он тоже в ежовых рукавицах держит. Да она и сама не против. Учится, гуляет только со своими, с местными вообще никак не трется. Правильно делает.

Но помимо уродов в нашем дворе есть и свои «лохи». Один из них – Катюша. Здоровенный, дебиловатый детина, который откликается не на собственное имя – Денис, а на Катюшу. Его доебывают только пиздюки, пытающиеся выделиться перед сверстниками. То говном измажут, то отпиздят просто так. Старшие Катюшу не трогают и пиздюков гоняют, когда они начинают борзеть.

Я к Катюше хорошо отношусь. Он живет один, мать его умерла года три назад, и лишь жалостливые соседи хоть как-то присматривают за великовозрастным ребенком. То продуктов ему нанесут, то еду приготовят, то одежду новую купят. Я Катюшу как-то от залетных в детстве выручил.

Доебались до него трое с другого района. Двое держали, а третий пиздил по животу кулаками. Катюша даром, что здоровенный, но внутри него испуганный ребенок, который никуя ничего сделать не может.

Я тогда мелким был, дерзким. Схватил камни и давай швырять. Одному башку разбил, второму в живот попал. Они меня потом долго искали, по району шмонали и пиздюков спрашивали, пока их Мафон не поймал и пизды дал за то, что шлятся в гостях, как у себя дома.

Еще один лох, носящий погоняло Пинг-Понг, был известен всему району. Местный аналог Шпилевского и Щенкова, только хуже. Вечно грязный, сопливый и вонючий. Чморили его по делу. Он-то бабок вечерами гоповал; сумки воровал, окна разбивал и гадил по-тихому. То на старших залупался, пока пизды не получал. Он это делал неосознанно. Словно ему нравилось, когда его чморили. Мог остановиться посреди двора и начать кукарекать или по волчьей выть, пока какой-нибудь мужик, проходя мимо, не отвешивал ему леща. В говне собачьем палочкой ковырялся, потом эту палочку нюхал и ржал, как ебанашка.

Как-то раз он на Ебало залупнулся, а Ебало вмазанный был. Он отвел Пинг-Понга в подъезд и заставил себе отсосать. Потом хотел еще выебать, да не смог, слишком обдолбанный был. Избил его в итоге и в подвал столкнул с лестницы. Пацаны говорили, что у Пинг-Понга с головой что-то не то. А я считал, что он просто ебанутый.

Биолог тоже был не от мира сего, но его особо не чморили. Только Мизинец, Ебало и Дрон, когда вмазывались, начинали до него доебываться. Биолог летом частенько по двору лазил, букашек всяких рассматривал, травы собирал. Или в книжку упулится и сидит на лавке. То про микроорганизмы читает, то о причинах Большого взрыва. Невысокий, прыщавый, неконфликтный. Он всегда гулял с бабушкой, а когда та куда-то отлучалась, мигом оказывался в центре внимания старшаков, любивших попиздеть с ним за жизнь.

Галя Два Пальца была на год старше меня и училась тогда в спец интернате для ебанутых, куда мы, будучи мелкими, любили забегать, чтобы подоебывать психов. Закончив девятый класс и получив аттестат, она пустилась во все тяжкие. Её не выебал только ленивый в нашем дворе. Ну и те, кто свой хуй абы куда не суют.

Проблема в том, что у Гали бешенство пизды было. Она хотела ебаться всегда и еблась со всеми без разбору. С местными алкашами, с Ебало на чердаке и с Дроном в Колодце. Мафон трахал её в подъезде зимой и в кустах летом, когда ночи особо теплые. Несколько раз её пускали по кругу в том же Колодце, а уроды потом хвалились, как та извивалась от кайфа. Бедная девчонка, глупостью которой пользовались, ушла навсегда в двадцать пять, когда очередной алкаш, поймав «белочку», пырнул её ножом.

Наш двор небольшой, но интересных людей в нем много. Дядя Саня, например. Одно-рукий алкаш с волшебным голосом. Когда кто-то из его друзей вытаскивал гитару, послушать дядю Саню собирался весь двор.

Пел он романсы – красивые, тягучие и грустные. Пел хорошо поставленным, сильным голосом, от которого у меня текли слезы и по всему телу бегали мурашки. Вечером дядя Саня пел, а днем валялся в кустах обоссанный и бухой. Говорили, что руку он на заводе потерял, да так и не свыкся с новой жизнью. Жена ушла, а детей не было. Вот и жил дядя Саня в убогой засранной квартирке на первом этаже и вечерами пел песни, собиравшие весь двор.

Бабка с погонялом Слюн. Старая маразматичка, главным развлечением которой было плевать с балкона на проходящих людей.

– Харк! Птьфу! – плевок летит вниз и смачно растекается на лысине крепкого мужика в белой майке-алкоголичке.

– Пизда старая! Шалава припизднутая! – орет он, грозя кулаком. – Кобыла ебучая!

– Харк! Птьфу! – второй плевок летит следом за первым и плюхается в миллиметре от мужика. Мы с друзьями, будучи мелкими, любили доебывать её, но рот старой дуры не пересыхал никогда, а асфальт под балконом был мокрым, как после дождя.

Максим Чернобылец. Хилый мужик с бледной кожей, мешками под глазами и тонкими ручками. Говорили, что он был в первой волне ликвидаторов чернобыльской аварии, а потом здоровье пошло по пизде. Он частенько плел мелким пацанам рыбок и зайчиков из капельниц,

а вечером, нажравшись, выгонял очередного ебаря из своей квартиры, которого туда приводила оголодавшая жена. У меня до сих пор сохранился самодельный ножик, к которому Максим сделал рукоятку из жесткой разноцветной проволоки. Красивый и острый, он частенько привлекал внимание. Дважды его пытался спиздить Ебало, но Максим, поймав как-то урода с моим ножом, дал пацану таких пиздюлей, что Ебало три дня ссал кровью и о ноже моем забыл, как о страшном сне... Люди и звери. Сколько их было во дворе на четыре дома.

Олег Литейщик. Старый кузнец, которого любила вся детвора. Каждому он выливал каскет, надо было только надыбать пару старых аккумуляторов на свалке и притащить ему. Его рогатки разили без промаха, и в соседних дворах не найти было целых окон в подъездах.

Он рассказывал пиздюкам сказки. Страшные и добрые, веселые и грустные. Но всегда грубые. Мы до ночи сидели, слушая его гулкий бас, а разведенный старшаками вдалеке костер казался чем-то сказочным. Там пили дешевое вино и тискали баб, а мы слушали сказки о кузнеце и чертях, о царевне с медной пиздой, о трех волках и старой бабке, которая захотела волчьего хуя. Тысячи сказок... Олег никогда не повторялся, а мы удивлялись, откуда он столько знает. Даже старшаки относились к нему с уважением и называли не иначе, как дядя Олежа. Его старенький «Москвич» был единственной машиной на районе, которую можно было не закрывать на ночь. Все равно никто не тронет, даже залетные.

– Вошел принц в спальню, глядь, а царевна на кровати лежит, – гулкий бас Олега проникает в каждое детское сердце, а темные жесткие глаза с любовью смотрят на бородатого дядьку. – Развел принц ей ноги, глядь, а пизда-то у царевны медная, а волоса у ей серебряные!

– Хахахаха! – смеется малышня. Смеемся и мы с Алёнкой Огурцовой, прижимаясь друг к другу и еще не догадываясь, что школа так сильно нас изменит. Жмемся и кричим, перекивая друзей: – Дядь Олежа, а расскажи про зайца, который обосрался!

– Ох, мальки, буде вам. Устал уже, – басит Олег, но улыбается и заводит новую сказку, пока не начинают кричать с окон родители, зазывая детей домой.

– Привет, дядь Олеж, – здороваюсь я с ним. Кузнец постарел еще сильнее, борода белая вся, как снег, а голос все тот же.

– Привет, школяр. Как там? Пятерку получил? – смеется он, сидя на лавочке у подъезда. Кивнув, я улыбаюсь в ответ, потому что смех у дяди Олега заразителен. Даже хмурый Дрон нет-нет, да улыбнется, услышав его.

У второго подъезда бабка Слюн поражает очередную цель, и я слышу привычный мат.

– Шалава ебанная! Шоб тебе, пиздоглазой, муравьи всю пизду выели! – ругается дородная тетка, мамка Пинг-Понга. Он идет рядом с ней, глуповато лыбится, а из носа у него течет перламутровая сопля. Как и всегда.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж, сую ключи в замочную скважину и слышу этажом выше голос Гали Два Пальца, которую кто-то ебет. Галя довольно стонет, а я, ругнувшись сквозь зубы, влетаю в квартиру, из которой вкусно пахнет картофельным супом и отцовскими папиросами.

Я дома, а люди и звери нашего двора продолжают жить, как жили.

Глава четвертая. Испытание Шпилевского.

– Шпилевский, покажи нам хуй!

С этого начались испытания Лёни Шпилевского, которые продолжились до выпускного. В шестом классе, перед уроком физкультуры, когда мы ждали разрешения войти в зал, в голову Коту пришла охуенная, на его взгляд, идея помериться хуями в раздевалке.

Сначала, в шутовой атмосфере, кто хотел, то и демонстрировал собственные кривые хуйцы, а потом пришел черед тех, кто упирался. На несчастье Шпилевского, ему выпало стать первым и последним.

Шпилевский наотрез отказался снимать трусы. Кот, с лица которого исчезла елейная улыбочка, вдруг побагровел, а его глаза налились кровью. Дэн, лениво сидящий по центру скамьи, помалкивал, поэтому Кот осмелел.

– Показывай свой хуй! – прошипел он, на что Шпилевский мотнул головой и попытался встать, чтобы уйти. Он всегда старался уйти от конфликта, но в этот раз ему не удалось. Кот перехватил его за шею и резко ударил в живот кулаком. Лицо Шпилевского сморщилось, а в глазах набухли слезы. – Показывай, а то ебну, нахуй!

– Хуй он чо покажет, – буркнул Зяба, подсакивая к другу. – Сами заценим. Давай, Котяра. Снимай!

Кот, озверевший от упертости Шпилевского, отпихнул Зябу в сторону и прописал еврею «двоечку» по бороде, а когда тот упал, добавил ногой по ребрам. Дэн лениво хмыкнул и отвернулся, но остальные смотрели на избиение, как завороченные. Я тоже и нихуя не горжусь этим.

Осатаневший Кот бил Шпилевского с оттяжкой, широко замахиваясь, и улыбался, когда Шпилевский стонал после ударов.

– Заебал, Кот! – рявкнул Зяба. – Снимай трусы!

– Ща, – отдуваясь, ответил Кот и, приложив Шпилевского еще раз, выбил воздух из впадой груди.

Затем, склонившись над Шпилевским, он сорвал с него бережно заштопанные синие трико и заржал, увидев лужу.

– Обоссался! А-а-а, блядь... – выдохнул он, но останавливаться не стал. Кот схватил Шпилевского за трусы и буквально поднял его в воздух, после чего несколько раз потрянул, пока Шпилевский не вывалился из них и шлепнулся на мокрый пол.

– В натуре, еврей, – резюмировал Зяба, держа руки Шпилевского и не давая тому прикрыться. – Куцый хуишка, так-то.

То, что у Зябы был такой же хуй, никто не сказал.

– Хуй с ним. Погнали на разминку, – велел Дэн, поднимаясь со скамьи. Он брезгливо посмотрел на скукоженного Шпилевского и, отвернувшись, направился к выходу. Как и остальные. Кот, пнув еще раз лежащего, хлопнул Зябу по ладони и вразвалочку двинулся за всеми. Лишь я, наклонившись, подобрал с пола обоссанное трико и протянул его Шпилевскому. У еврея горели глаза, а лицо было смертельно бледным, однако Лёнька смог подняться, оделся и, как ни в чем ни бывало, поплелся в спортзал.

До восьмого класса Кот и Зяба просто пиздили Шпилевского, который не давал им отпор и покорно сносил все унижения. Глаза, которого заводили чужие муки, его игнорировал, однако Лёньке и так хватало «внимания» от одноклассников. Только перед контрольными он мог вздохнуть спокойно и принести в школу отцовский калькулятор. Дэн строго-настрого запретил трогать полезных лохов перед контрольными. Даже Шпилевского, который все равно бы дал списать.

Поэтому Зяба, алчно смотрящий на калькулятор, продолжал давиться слюнями, но спиздить игрушку так и не решился. Однако все менялось, когда контрольные заканчивались и снова начинались привычные испытания Шпилевского.

В восьмом классе Кот насрал ему в портфель. Старенький, но все еще крепкий, кожаный портфель до одиннадцатого класса подвергался унижениям, как и его хозяин. В тот день Кот пришел в школу с перегаром. В его мутных глазах плескалось не меньше литра винища, но Кукушка этого даже не заметила, что уж говорить о других учителях.

Два урока он отсидел с трудом и постоянно заваливался набок. Если бы Глаза его не поддерживал, точно бы пизданулся на пол. Но после звонка на перемену мутные глаза Кота заблестели. Он увидел прислоненный к парте портфель Шпилевского, и его ебанутую голову посетила еще одна ебанутая идея. Шепнув Зябе, чтобы тот отвлек Шпилевского, Кот подскочил к парте еврея, как огромный жирный пидор, и, схватив портфель подмышку, умчался с ним в неизвестном направлении. Шпилевский лишь обреченно проследил взглядом за удирающим Котом и уселся на свое место. Его лицо не выражало никаких эмоций, но я был уверен, что внутри он кипит, как наш старенький чайник.

Кот вернулся в класс через десять минут, и его довольное еблище светилось от радости. Он плюхнулся на свой стул и подмигнул Зябе, который до сих пор не понял, что сделал его «друг». Никто не понял, если честно. Я, как и каждый, подумал, что Кот просто заныкал портфель где-нибудь в школе и Шпилевскому придется изрядно побегать, чтобы его найти. Но на следующей перемене Кот дал подсказку, где искать, и Шпилевский, сорвавшись с места, бросился в туалет.

Он вернулся перед самым звонком, красный, как рак, от смущения. Наши девчонки, потянув носами, тут же скривились, когда почуяли аромат говна. А Зяба по-шакальи взвыл, когда до него дошел смысл того, что сделал Кот.

– А-а-а! Блядь! Насрал ему в чемодан?! А-а-а, Котяра, ты ебанутый! – заорал Зяба, хлопая Кота по жирной спине. Девки тоже заржали, когда Антрацит, вошедшая в класс и почуявшая, чем воняет, выгнала Шпилевского в коридор, обозвав напоследок «дристалой».

Лёнька пришел в школу на следующий день со всем тем же портфелем. Только теперь чистым. Я не знаю, сколько времени он провел, чтобы отдраить его от говна, но что-то подсказывало, что изрядно. Еще и родителям наверняка не сказал, чтобы лишний раз их не беспокоить. Портфелю потом еще не раз доставалось, как и Лёньке.

Однажды Дэн и Глаза решили покуражиться перед девчонками. Случилось это на уроке физкультуры – самом ненавистном для Шпилевского, как я всегда думал. Лёнька постоянно занимал место у самой двери, чтобы в случае чего быстро сбежать. Но не всегда ему это удавалось. В этот раз Кот предусмотрительно заблокировал своей тушей дверь, отрезав Шпилевскому путь к бегству.

Дэн и Глаза, налетев на Лёньку, сорвали с него старенькую форму, швырнули её в угол, а его, голого и упирающегося, потащили к выходу из раздевалки. Кот услужливо открыл им дверь и сам выскочил в коридор. Затем Глаза распахнул дверь бабской раздевалки и, насладившись увиденным, как и разномастным писком, помог затащить Шпилевского внутрь и закрыл дверь, завалившись на нее спиной. Лёнька долбил и стучал до последнего, пока не пришел Циклоп, наш учитель, и открыл дверь. Шпилевскому пришлось под уничижительный хохот пробираться сначала сквозь толпу первоклашек, выходящих после обеда, а потом нестись на всех парах ко второй двери в раздевалку, где остались его вещи. Циклоп еще и двойку вlepил. «За срыв урока», как он важно заметил. Порой учителя были совсем слепыми. Или просто им так было удобно – не видеть или вовсе не замечать творившейся перед носом хуйни.

Девятый класс стал для Шпилевского Адом. После каникул четверка старшаков нашего класса притащила с собой блатные понятия и блатное поведение. Естественно, все лохи сразу же стали подопытными крысами.

Дэн любил на перемене собрать Шпилевского, Щенкова или меня, если кого-то из них не удавалось поймать, а потом десять минут ебал мозги на темы «бабла дать нормальным пацанам, кто ты по жизни, руки чму не пожимаем» и прочая хуйня. Щенков старательно подыгрывал, порой скалился, когда довольный Дэн хлопал его по плечу, выуживая у Щенкова деньги на обед. Шпилевский обычно молчал и вжимал голову в плечи, когда Кот, забавшись скучать, замахивался на него кулаком. Я отвечал коротко, но, справедливости ради, меня редко дергали. Чаще всего Щенков и Лёнька не успевали съебаться и были вынуждены играть со старшаками.

Глаза где-то надыбал себе уебищные четки и, сидя на корточках перед кабинетом, с умным видом крутил их в руках. Зяба начал разговаривать, как зеки, бухавшие с алкашами из моего двора. Лишь Кот как-то проспал новое увлечение «друзей» и вместо этого с головой погрузился в «опускание». Он каждый раз выдумывал все новые и новые способы чморения лохов. Мне повезло. Увидев меня пару раз с Толиком-спортсменом, Зяба и Кот доложили об этом Дэну, и тот поступил на удивление логично. Меня избивали крайне редко до десятого класса, да и над вещами особо не издевались, предпочитая месить тех, в ком были уверены, что те рта не раскроют. Как раз в девятом классе и случилось событие, заставившее меня люто возненавидеть старшаков. Раньше я даже пытался их оправдывать: насрать учителю в стол, избить кого-то – типичные подростковые заморочки. Но в тот раз уроды хватили лишка.

Все началось как обычно. На длинной перемене после пятого урока Кот выцепил меня, Шпилевского и Щенкова, после чего, мотнув головой, велел следовать за ним. Мы пошли, потому что выбора не было. Только Лёнька почему-то бледнел и еле-еле перебирал ноги, словно знал, куда идет. Щенков его подьебывал, пока я не пихнул его локтем в бок. На меня Щенков не залупался, знал, что я могу переебать. Шпилевский же никому и никогда не давал отпора. В тот день тоже промолчал.

Мы зашли в туалет, куда набилось дохуя народу: были и наши старшаки, и парочка с других классов, и какие-то мутные новенькие, которых я не видел. Охраны у нас тогда в школе не было, поэтому любой мог зайти с улицы и пошляться по школе. Неудивительно, что многие приводили своих друзей, а те своих друзей, чтобы спокойно покурить в туалете, выпить или просто над кем-нибудь поглумиться.

– Вот скажи, Шпилевский, – вдруг спросил Глаза, сидящий на подоконнике и вертящий в руках свои ебучие четки, – ты кто по жизни?

– Не ссы! – залились шакалами те, кого я не знал. – Пацан должен отвечать, когда ему уважаемые люди вопрос задают.

Я пропустил момент, когда Глаза стал уважаемым человеком. Как по мне, отвратнее уебка еще поискать надо. Но я промолчал. Скажи хоть слово, и отхуярят. Это я уяснил давно и сразу, поэтому крайне редко высывался.

– Кто ты по жизни, Шпилевский? Чмо? Фраер? Может, вор?

Весь туалет заржал в едином порыве, а Кот даже слезящиеся глаза утер. Щенков тоже посмеялся. Он давно научился подстраиваться под обстоятельства, в отличие от нас. Но тут Шпилевский второй раз в жизни переборол свой страх. Нет, плевать он не стал и нахуй Глаза с шайкой пришлых тоже не послал. Просто ответил, как его и спрашивали. – Ну, кто ты по жизни?

– Ч-человек, – заикаясь, ответил Шпилевский, заставив Глаза вытаращить свои глаза так сильно, что я невольно подумал, что они ебнутся на пол и на них кто-нибудь наступит.

– Человек, бля? – переспросил Глаза, и в его голосе больше не было смеха. – Не, Шпилевский. Человек – это звучит гордо. А ты позволил насрать себе в чемодан и обоссался, когда Кот тебя отпиздил.

– Я... ч-человек, – снова повторил Лёнька. В этот раз его черные глаза упрямо вспыхнули, заставив меня тихо вздохнуть. – Т-такой же, к-ак вы...

– Слыхали, пацаны? – заржал Кот, обращаясь к пришлым. – Типа, чмом нас называет, как он сам.

– Не, это зашквар. Уважаемых людей в обиженных записывать? – хмыкнул один из них. У него не доставало переднего зуба, а глаза были безжизненными и холодными. – Человек ты, говоришь? Ща мы поправим это. Кот!

Так подзывают ручную собачку. Тон, каким был отдан приказ, заставил Кота передернуться, но залупаться он почему-то не стал. Вместо этого он обратил всю свою злобу на несчастного Лёньку, который стоял в центре насупившихся уродов. Подойдя к нему, Кот коротким ударом по печени отправил еврея на пол, а потом приложил ногой по животу. Шпилевский шумно выпустил воздух из легких и, сморщившись, скрутился в калачик. Но Коту этого было мало. Он внезапно расстегнул ширинку, вывалил хер и обоссал Шпилевского на глазах старшаков всей школы.

– Кот чисто по теме ответил, – заржал Зяба, склонивший голову и рассматривающий скукоженного Шпилевского. – Ну, чо? Человек ты или чмо ебаное, а?

– Хуй с ним, – внезапно стушевался Дэн. Он нахмурился и, мотнув головой, добавил: – Погнали на урок, а то Антрацит снова пиздеть не по делу будет.

– А с этим чо делать? – спросил Кот. Он ехидно склонился над Шпилевским и заржал. – Человек, блядь! Слыхали?

Шпилевский не ответил. Он лежал в луже мочи на холодном полу и просто молчал, чтобы не сделать все еще хуже.

Естественно мы опоздали на урок, и Антрацит распизделась. Сначала она прошлась по Шпилевскому, а потом досталось и мне.

– Почему не на уроке, а? – распыленный поток слюны ударил в лицо, и я с трудом подавил тошноту. – Шпилевский, почему ты мокрый?

– Купался, наверное, – заржал с дальней парты Зяба, а следом ехидно захихикал и Кот. – Душ принял, а полотенца-то и нету, Надежда Викторовна.

– Какой душ? Чего ты несешь?! – рявкнула та, поняв, что над ней смеются. – Так, марш домой! А ты, – палец метнулся в мою сторону, – проводи его, пока еще где-то не искупался. Завтра придете после уроков и напишете самостоятельную работу. Все!

– Идите, идите! – тихо прошептала Алёнка Огурцова, сидящая на первой парте. Кажется, только она поняла, что произошло на перемене. Я кивнул ей и, подхватив шатающегося Шпилевского под руку, вышел из класса.

Лёнька жил в двух дворах от меня, и наши старшаки частенько месились с его старшаками. Но сейчас нарваться на них было маловероятно, поэтому я не торопился. Шпилевский шел рядом, как покорный ягненок. Иногда я говорил ему, что мол «стой, дорога» или «поворачиваем». Он шел молча, бледный и униженный.

Поравнявшись с Колодцем, я попросил Лёньку подождать и метнулся к Мафоновской нычке, о которой знал каждый из моего двора. Отодвинув кирпич и обнаружившуюся под ним ржавую металлическую пластинку, я вытащил из ямки пачку красного «Бонда». Затем, выудив сигарету, неловко её подкурил и, закашлявшись, отправился к Шпилевскому, который замер на месте и, казалось, так и не пошевелился. Это была моя первая сигарета, и принесла она не расслабление, а тошноту и вкус говна во рту.

Я честно её выкурил почти до фильтра. Стрельнул окурком в сторону мусорки около дома Шпилевского и, взяв Лёньку под руку, завел в подъезд.

Его подъезд был похож на мой. Те же надписи на стенах, где кто кого ебет и кто у кого сосёт. Вплавленные в побелку горелые спички на потолке и пол в застывших харчках. На подоконнике сиротливо валяется пакет с засохшим клеем. Все, как и у всех.

Лёнька заговорил только на своей площадке, когда я потормошил его за плечо и указал рукой на дверь в ответ на бессмысленный вопрос в глазах Шпилевского. Он повернулся ко мне, тихонько, но очень тяжело вздохнул, поднял на меня свои черные глаза и спросил:

– За что?

– Не знаю, – так же коротко ответил я и пожал плечами. Я и правда не знал ответа на этот вопрос. Я не понимал, какой кайф в том, чтобы унижать тех, кто слабее. Зачем калечить человека морально? Что им это даст? Я не знал.

– Я же ч-человек, – заикаясь, бросил Лёнька, и его лицо снова сморщилось. Только теперь он беззвучно плакал, а я стоял рядом, положив руку ему на плечо. И молчал. Потому что слова тут были бы лишними. Это понимал и он, и я.

Утром в школу пришел привычный Шпилевский. Голова опущена, руки крепко сжимают несчастный портфель, а вчерашний грязный свитер снова чист, как и всегда. Лёнька, проходя мимо меня, метнул в мою сторону осторожный взгляд и еле заметно улыбнулся. Так он говорил спасибо. И его «спасибо» хоть немного уменьшило тяжесть на моей душе.

Глава пятая. Алёнка, книги и бутерброды.

С Алёнкой Огурцовой до восьмого класса я почти не общался. Меня чморили, её чморили, поэтому все ограничивалось стандартными «привет-пока» и списыванием на контрольных. Однако в восьмом классе мы впервые начали общаться на темы, отличные от учебы и всей связанной с ней хуйни.

В восьмом классе я сломал палец на уроке физкультуры. Неудачно затормозил и влетел на полной скорости в металлические лестницы на стадионе, выставив вперед руки. Повезло, что сломался только указательный палец на левой руке. Поэтому я спокойно посещал остальные уроки, а вот на физкультуре частенько сидел в дальнем углу стадиона, если было тепло, или уходил домой, когда занятия переносили в спортзал.

Но дальний угол стадиона всегда привлекал меня, особенно в теплые деньки. Было приятно сидеть в тени большого вяза, листать книжку и не думать об уродах, которые носились по стадиону. Два урока тишины и спокойствия. В этом уголке я однажды встретил Огурцову.

Она сидела на гладком бревне, привычно поджав под себя ноги и положив на колени учебник. Алёнка вздрогнула, когда я подошел и, кашлянув, привлек внимание. Но тревога быстро сошла на нет, когда она поняла, что это не уроды, явившиеся доебывать её.

– Привет, – буркнул я и указал рукой на бревно. – Не против, я присяду?

– Нет, конечно, – ответила она и подвинулась, не забыв убрать на другой конец бревна свой портфель. – Не думала, что сюда кто-то ходит.

– Так я палец поломал, – усмехнулся я, показывая руку. – Освобождение от физры. А ты чего не на уроке?

– Тоже освобождение, – покраснела Алёнка. – Мама со Слепым договорилась, чтобы мне освобождение от физкультуры выписали. Типа я ей помогаю туалеты мыть по вечерам.

– И правильно. Нахуй эта физра не нужна, – кивнул я, кладя пакет с учебниками себе на колени. – Циклоп только и делает, что волейболом заебывает. Даст мяч и уходит в подсобку прочить. Ты по физике домашку сделала, кстати?

– Ага, – Алёнка улыбнулась и вытащила из портфеля зеленую тетрадку в клетку. Я ей никогда не признавался, но я любил рассматривать её конспекты. Аккуратный почерк, красивые рисунки, никакой грязи. Я заморачивался с конспектами только по истории, биологии и обществознанию. На остальные предметы было похуй. Разве что тетрадь по литературе я старался вести аккуратно. Но только до тех пор, пока Слепой не уволил Елену Владимировну. Тогда мне и на этот предмет стало похуй.

– Я вот нихрена не понял, – вздохнул я, беря в руки тетрадку и доставая свою из пакета. – Рыгало опять пол-урока про Ельцина пиздела и о колбасе, в которой её внучка ноготь нашла. Можно скатаю?

– Конечно, – кивнула Алёнка. Она никогда никому не отказывала. – Только пару ошибок влепи, чтобы не спалиться.

– Само собой, – буркнул я, погружаясь в Алёнкин конспект. Однако, чуть подумав, я решил не просто скатать домашку, но и попытаться в нее вникнуть. Рыгало запросто может вздрючить кого-нибудь и вызвать к доске. Поэтому я отложил тетрадку в сторону и вытащил из пакета бумажный сверток, в который мамка положила мне два бутерброда. Если кусок хлеба с самой дешевой вареной колбасой, к тому же порезанной очень тонко, можно вообще назвать бутербродом.

Откусив от одного приличный кусок, я скосил глаза и увидел, как Алёнка с жадностью смотрит на второй бутерброд. Её щеки порозовели от смущения, и она с трудом отвела взгляд. А потом вздрогнула, когда я подвинул к ней сверток и пробубнил с набитым ртом:

– Угощайся.

– Уверен? – тихо спросила она и шумно сглотнула слюну. Её желудок заворчал, заставив Алёнку снова покраснеть.

– Ага. Я и одним обожрись, – соврал я. Алёнка поверила, и спустя пару секунд её зубы впилась в черствый хлеб. Было видно, как ей не по себе, поэтому я спросил: – А ты в столовку не ходишь?

– Нет. Там слишком дорого, – улыбнулась Алёнка, уминая бутерброд. Я кивнул, вспомнив цены и свое желание откладывать ту мелочевку, что родители давали мне на обед. Я не говорил им, что денег не хватило бы даже на обветренный пирожок, поэтому просто складывал все в трехлитровую банку под кроватью, надеясь, что однажды деньги пригодятся мне или родителям.

– Щенков сказал, что повара суп водой бодяжат, а мясо домой тащат. А воду я и дома попить могу, – хмыкнул я, беря тетрадку и приступая к списыванию. Вникать я решил потом, на уроке. То, что Рыгало опять скатится в тему, не относящуюся к уроку, было привычной обыденностью.

С того момента мы частенько прогуливали физкультуру и, если было тепло, сидели в дальнем углу стадиона. Я всегда приносил с собой два бутерброда: один себе, второй Алёнке. Поначалу она стеснялась и не хотела брать, но потом смирилась и поняла, что я никуда не отстану.

Когда колбасы не было, я приносил бутерброды с сыром: жиденьким, домашним и очень водянистым. Иногда это был просто хлеб с раскрошенной над ним «Галиной Бланкой» или пакетиком со специями от бич-пакета. После деревни к бутербродам добавлялись яблоки, которыми родители забивали багажные места автобуса. Яблоки заканчивались к холодам, и тогда оставались одни бутерброды. Алёнка яблоки трескала с удовольствием, и на её бледной физиономии застывало выражение полнейшего блаженства, когда она вгрызалась в кисло-сладкую плоть. Но после того, как Кот и Зяба несколько раз выбрасывали мои бутерброды в унитаз, я завел привычку прятать их под лестницей сразу, как приходил в школу. Там была удобная нычка, в толстой щели между стеной, куда идеально помещался сверток и два яблока.

Зимой мы прогуливали физкультуру в библиотеке, делая вид, что готовимся к уроку. Престарелая Ольга Сергеевна, слепая курица, вопросов не задавала, и мы, заняв дальний угол в читальном зале, негромко болтали о своем, трескали бутерброды и перекатывали друг у друга домашку. Алёнка редко у меня списывала. Лишь в те моменты, когда не успевала доделать. И то делала это с таким видом, словно грабит мелкого пиздюка-первоклассника, отжимая у него мелочь на обед.

В библиотеку на уроках никто не заходил, а если и заходил, то на дальний угол внимания не обращал. Библиотекарша обычно говорила, что ребята готовят доклад, и интерес у вошедшего учителя моментально исчезал. Лишь Антрацит, забывшая учебник дома и не отжавшая его у учеников, нет-нет, да заходила в библиотеку. И, увидев нас с Алёнкой, обязательно язвительно прохаживалась по моей успеваемости. Огурцову она не трогала, потому что Алёнка никогда с ней не спорила, училась на пятерки и проблем не доставляла. Я же, никуда не понимавший её лекций, страдал чаще и сильнее, но старое убище это не волновало. Ей просто нужно было до кого-нибудь доебаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.